

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Правильные слова

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Правильные слова

«Public Domain»

1899

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Правильные слова / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain»,
1899

«Мы ехали первый раз на студенческую летнюю «побывку». Вернуться домой студентом – это уже говорило достаточно само за себя. Еще в Петербурге составила́сь целая компания, и мы весело катили на далекую родину, минуя чужие города, чужих людей и вообще чужую сторону. Домой – сколько хорошего, молодого, здорового и теплого в одном этом слове!..»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Правильные слова

I

Мы ехали первый раз на студенческую летнюю «побывку». Вернуться домой студентом – это уже говорило достаточно само за себя. Еще в Петербурге составила целая компания, и мы весело катили на далекую родину, минуя чужие города, чужих людей и вообще чужую сторону. Домой – сколько хорошего, молодого, здорового и теплого в одном этом слове!..

Москва, Нижний, Казань мелькнули как-то особенно быстро, и мы с нетерпением ждали родной Камы с ее крутыми, глинистыми берегами, траурным лесом и родным холодком. Пароход «Купец» шел очень медленно, и в помещении третьего класса в майские ночи было порядочно-таки холодно, особенно принимая во внимание наши летние «сак-пальто» с Апраксина. Когда пароход вошел в Каму, наше положение оказалось почти критическим – потянуло «сиверком», воздух настолько засвежел, что благоразумные люди понадевали шубы. Днем мы кое-как перебивались еще около машины, но страшна была близившаяся холодная ночь.

Спасение явилось совершенно неожиданно в лице сплавщика с реки Белой, у которого оказалось с собой целых два бараньих тулупа, не считая надетого на нем полушубка из домашней овчины.

– Всех угрею, – радушно приглашал старик, снисходя к нашей господской беспомощности. – Один тулуп постелем на пол, а другим сверху накроемся. Тут нас из пушки не прошибешь...

Как теперь вижу этого сплавщика... Высокий, плечистый, с большой косматой головой, он выделялся из остальной толпы пассажиров, как настоящий богатырь. Такие типы попадаются еще в захолустьях, как Уфимская губерния. Замечательнее всего у нашего богатыря было лицо – широкое, с окладистой бородой и славянскими серыми глазами; на этом лице лежала печать удивительной доброты, а глаза смотрели совсем по-детски. Он и говорил совсем особенно, тем языком, от которого веяло нетронутым домашним теплом. Помимо его тулупов сплавщик приводил нашу компанию в восторг; как редкий представитель настоящего «народа», и притом наш мужик, вспоенный уральской водой. Сказался известный областной патриотизм, да и старик оказался таким разговорчивым, интересным. Его речь так и пересыпалась поговорками, прибаутками и тем красным словцом, по которому узнаешь умного человека сразу.

– Вы из школьников будете? – расспрашивал он нас. – На побывку домой потянули...

– Не школьники, а студенты, – поправлял кто-то, обиженный названием школьника.

– Ну, скубенты так скубенты: все одно, – угрею... Кто ни поп, тот и батька, а у меня домашнего тепла на весь пароход хватит. Будем друг о дружку греться...

Кама была в полном разливе, и нужно было видеть, как любовался могучей рекой старик. Он знал каждую отмель, каждый островок и мог «пробежать» на пароходе с закрытыми глазами. Эта любовь к своей реке, к своим местам и к своему вообще отвечала как нельзя лучше нашему общему настроению, и старик в наших глазах в течение одних суток вырос в какого-то сказочного богатыря. О реке он говорил как о живом существе и говорил так любовно, тепло, что мы и сами начинали переживать такое же любовное настроение. Являлась даже мысль, что как хорошо быть сплавщиком, а все остальное пустяки...

Помню чудную майскую ночь, когда мы, обеспеченные шубами сплавщика, дольше обыкновенного засиделись на верхней палубе. Кама в разлив – безбрежное море, и эта иллюзия нарушалась только вершинами выставляющихся из воды деревьев. В таком просторе есть что-

то такое бодрое и зовущее, точно самая мысль окрыляется. Где-то распевали наши камские соловьи, притаившиеся в ивняке затонувших островов. За Урал соловьи не перелетают, да и здесь они поют так несмело, точно все только пробуют разные мотивы и не могут никак попасть в настоящий тон. Это совсем не то что настоящие южные соловьи, от поцелуев которых стонут южные ночи, – это именно поцелуй, а не щелканье, как называют призывную соловьиную трель. Траурная хвойная растительность тоже говорила о своем родном севере с его строгими готическими линиями. Не было и белых волжских отмелей, – их сменила камская красная глина. Но все-таки эти камские ночи хороши и навевают такое бодрое, хорошее настроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.